

Геннадий
СМОЛИН

«De mortuis nil nisi vere»

(О мертвых правду или ничего. — Лат.)

ТАИНСТВЕННЫЕ обстоятельства смерти великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта и поныне, по прошествии двух столетий, побуждают ученых, публицистов и литераторов возвращаться к документам, вести поиск в надежде докопаться до истины, до правды.

Два столетия прошло с того момента, как в расцвете сил и таланта неожиданно скончался гений музыки Вольфганг Амадей Моцарт. Большинство современников Моцарта считали тогда, что он умер естественной смертью от «острой просо-видной лихорадки». Но то, о чем писалось либо говорилось в странах Европы только намеками, спустя 30 лет стали провозглашать в полный голос. В центре внимания оказался престарелый композитор, придворный капельмейстер Антонио Сальери. Вспомнили все: и то, что итальянский маэстро был соперником, если не врагом Моцарта, и даже высказывания «бога музыки» о том, что Сальери посягал на его жизнь. А тут еще у маэстро явно сдают нервы, и он в присутствии нескольких свидетелей будто бы признается в убийстве. Разумеется, бульварная пресса тут же подхватывает эту новость. В определенных кругах не оставалось ничего другого, кроме как объявить Сальери «душевнобольным».

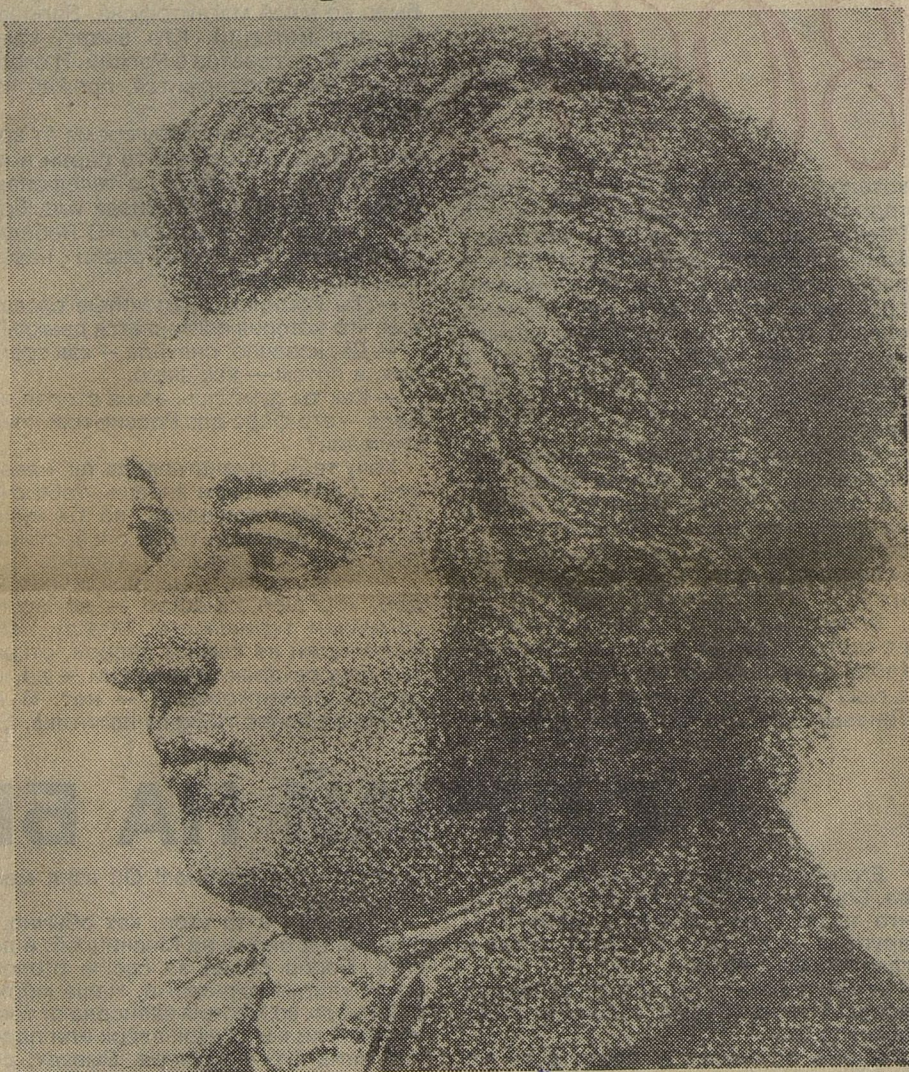
В свою знаменитую «болдинскую осень» А.С. Пушкин создает маленькую трагедию «Моцарт и Сальери», по силе и мощи равную шекспировским шедеврам. Эта поэтическая жемчужина так бы и осталась известной лишь в России. Но гипотезу Пушкина подхватил Н. Римский-Корсаков, который спустя 67 лет на ее основе написал одноименную оперу. Благодаря этому чудесному союзу поэта и композитора на камне мировой истории культуры был высечен иероглиф, насмерть запечатлевший у потомков мысль о противоестественной кончине Моцарта.

В связи с трагедией «Моцарт и Сальери» Пушкину принадлежат такие знаменательные слова: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальной». А потому, следуя напутствию поэта, сразу же перейдем к документальным свидетельствам и рассказам очевидцев...

Итак, через тридцать лет после гибели В. Моцарта, в 1821 году, то есть по прошествии «срока давности», «первый композитор империи» Антонио Сальери шлет несколько странную депешу графу Г. Гаугвицу в Намешть следующего содержания: «По получении этого письма Вашим превосходительством автор оно-го уже будет призван Господом Богом. К письму приложен оригинал моего уже Реквиема; как и обещал, преподношу Вам его с одной просьбой: чтобы исполнили его только в Вашей капелле во спасение моей души... и пока я жил в этом мире...». Такая категоричность итальянского маэстро характерна скорее для самоубийцы, нежели для человека, ждущего приближения смерти от прогрессирующего недуга. К тому же Сальери тогда бесспорно пребывал в здравом уме и твердой памяти и плодотворно трудился на музыкальной и педагогической ниве (в 1822 году у него, к примеру, брал уроки Ференц Лист!). Учитывая, что депеша должна была идти из Вены в графский замок минимум три дня, а определить рубеж жизни и опытного врачу не под силу, то можно предположить, что доза яда, который он носил с собой целых «осмысленных лет», не убила его и маэстро остался жив. В таком случае понятно, почему в 1823 году он использовал бритву, пытаясь перерезать себе горло. Упомянутый Реквием А. Сальери писал «для себя», следовательно, замысел самоубийства созрел у него давно, и «помутнений рассудка», как пытались заверить тогда через газеты, у него, конечно же, не было. Вот почему почти все документальные источники связывают попытку придворного капельмейстера свести счеты с жизнью как косвенное подтверждение причастности его к таинственной гибели Моцарта (А. Сальери почил в бозе, как было сказано в протоколе о смерти за 7 мая 1825 год: «по старости»).

Важный вклад в разгадку всего того, что связано с преждевременным уходом из жизни «бога музыки», внес наш уче-

ЗАДАКА СМЕРТИ ВОЛФГАНГА АМАДЕЯ МОЦАРТА

Моцарт. Литография по рисунку Й. ЛЕНГЕ.

ный и композитор Игорь Федорович Бэлза, неоднократно бывавший в Вене в 40 — 50-х годах по поручению Союза композиторов. Он вел переговоры, читал лекции и попутно занимался своей сердечной темой («Моцарт и Сальери»). Там Бэлза сблизился со старейшим венским композитором Йозефом Марксом и от него услышал следующее.

В памяти И. Маркса сохранилось свидетельство известного австрийского историка музыки и профессора Гвидо Адлера (1855 — 1941 гг.) о том, что при изучении церковной музыки в одном венском архиве он нашел запись исповеди Сальери. Она принадлежала руке духовника итальянского маэстро, который в свою очередь сообщал своему епископу, что Сальери отравил Моцарта. В этом документе содержались также детали того, где и при каких обстоятельствах итальянский композитор давал Моцарту медленно действующий яд. Адлер дотошно проверил все содержащиеся в записи исповеди фактические данные и пришел к заключению, что исповедь Сальери совсем не «горячечный бред умирающего», как пытались представить дело его сторонники. По мнению Адлера, судя по «исповеди А. Сальери», он выдал здесь наконец столь долго хранимую тайну. Католическая церковь, естественно, категорически выступила против перепечатки найденного Адлером документа, «так как один только факт, что существует такая запись, поставил бы под сомнение тайну исповеди».

Понятно, что апеллировать к вышеприведенным «фактам» у нас нет ни морального, ни юридического права. И ежели на самом деле существует исповедь итальянского маэстро, хранящаяся в толщах архивов церкви, то поведение католических иерархов вполне оправданно и обоснованно: на то она и существует — тайна исповеди.

Пожалуй, самое время опереться на документальные данные.

6 декабря 1791 года в доме № 10 по Грюнгерштрассе, первый этаж которого занимала состоятельная чета Кофдемелей, произошло любопытное событие. Эта драма, взбудоражившая всю Вену и долгое время окутанная тайной, последовала на следующий день после загадочной смерти и не менее странного погребения В.А. Моцарта. Трагедия Кофдемелей шокировала даже императорский дом и делалась предметом обсуждения среди венской интеллигенции каждый раз, когда речь заходила о смерти «бога музыки».

Когда жена, двадцатитрехлетняя красавица Магдалена Кофдемел, известная как «любимая ученица» Моцарта, которой он посвятил свой самый интимный фортепьянный концерт, возвратилась из собора св. Стефана, где состоялась панихида по умершему днем раньше Моцарту, то муж набросился на нее с ножом в руке с намерением убить. Магдалена была на пятом месяце беременности... Ее крик и крик годовалого ребенка спасли ей жизнь. Потому что нечеловеческие вопли привлекли внимание соседей. От-

крыть дверь им никак не удавалось. И тогда ее просто выломали. Магдалену нашли в бессознательном состоянии, с многочисленными кровотоками ранами на шее, груди, руках; лицо было обезображено. Женщину с трудом вывели с помощью двух врачей, но она осталась с внешностью «квазимодо» на всю жизнь. Ну а тридцатилетнего хозяина дома обнаружили, только сломав вторую дверь: мертвый Франц Кофдемел лежал на своей кровати с перерезанным горлом, еще сжимая в руке нож, — он покончил с собой. И та же «Wiener Zeitung» («Венская газета») назвала дату смерти Ф. Кофдемеля 10 декабря, то есть день похорон. Наверное, тоже неспроста. Судите сами. На Грюнгерштрассе, 10, великий маэстро был частым гостем. Во-первых, они были с Францем братья по ложе, ну а во-вторых, Вольфганг музицировал: он давал уроки на клавире Магдалене, жене Кофдемеля, неотразимой в венских салонах леди и в то же время многогранной творческой натуре.

Одна из столичных газет от 21 декабря 1791 года сообщала читателям, что сама ее величество императрица взяла под свое покровительство вдову самоубийцы, которая, как только миновала угроза жизни, была отправлена к отцу в Брюнн, чтобы благополучно разродиться вторым ребенком. Невооруженным глазом было видно, как королевский двор и лично сам Леопольд II осуществляли строгий патронаж по локализации определенных ситуаций и моментов в происшедшей трагедии. Высылая в отчий дом Магдалену, кайзер якобы спасал несчастную женщину от назойливых репортеров. В то же время монарх стремился показать, как он разгневан происшедшим, недвусмысленно намекая на некую «любленную интригу» Магдалены и Моцарта. Это становится понятным хотя бы из того, что он великодушно позволил вдове похоронить своего мужа на кладбище св. Марка в отдельную могилу как христианина, добропорядочного католика, а не самоубийцу (в соответствии с тамошними порядками палач бросал в безвестную яму покончившего с собой, труп которого предварительно зашивали в коровью шкуру). Совпадение это или нет, но происшедшая на другой день после смерти великого зальцбургца трагедия на Грюнгерштрассе, 10, напроць отодвинула смерть Вольфганга Амадея. В контекст этого вписывались поспешные и какие-то подпольные похороны узкой группкой лиц да еще в безвестную могилу тридцатипятилетнего гения музыки. Того, чья опера «Волшебная флейта» только что шла в Вене с неизменным аншлагом... Почему эту смерть скрыли, словно позор, вместо того чтобы обставить торжественно, как кончину великого мастера или вельможи? Ведь в обычаях той эпохи, как принято было говорить, «венцы умели хоронить с помпой». Действительно, кажется более чем странным и подозрительным уже то, что эдакое множество людей упорно молчали по поводу фактов, которые обычно невозможно скрыть. Вероятно, в этом-то всеобщем умолчании (похожем скорее на сговор), которое окружало тайну загадочной смерти молодого и знаменитого композитора, а затем последующие за этим не менее загадочные похороны и погребение, и зарыта та пресловутая собака.

Давайте-ка попробуем реконструировать возможную взаимосвязь между смертью Моцарта и самоубийством Кофдемеля. На право существования могут претендовать три трактовки данного вопроса. Первая. Эти события никоим образом не связаны. Вторая. Магдалена, бывшая на пятом месяце беременности, тронутая и опечаленная внезапной смертью Моцарта, поклялась перед мужем в своей любовной связи с Вольфгангом Амадеем. И, наконец, третья. Как повествуют современники, Констанца, жена Моцарта, «мелочная, самовлюбленная, жадная и примитивная, с ярко выраженной склонностью к эгоизму», просто воспользовалась случаем — то ли из мстительности, то ли по трезвому (холодному) расчету, но встретила с Кофдемелем и по-бабьи эмоционально, в «картинках» проинформировала последнего о «любви» Магдалены и Моцарта. Логика расследования, которое мы проведем с вами, уважаемый читатель, склоняет нас к последней версии. Итак, Констанца раздула все эту историю (либо по собственной инициативе, а скорее — по наущению сверху через цепочку Зюсмайр — Сальери — кайзеровский двор вкуче с католическими князьями). И получился великолепный отвлекающий маневр. Кстати сказать, другой маскирующей уловкой Констанцы был миф о незавершенном Реквиеме, который целиком остается на его совести. После